

□ З. А. Хабибуллиа

Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акумлы

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ МЕЖДУ ДРЕВНЕ- И СРЕДНЕТЮРКСКИМИ ПИСЬМЕННЫМИ ПАМЯТНИКАМИ И СОВРЕМЕННЫМИ ТЮРКСКИМИ ЯЗЫКАМИ

ESKİ VE ORTA TÜRK YAZILI ABİDELERİ İLE ÇAĞDAŞ TÜRK DİLLERİ ARASINDAKİ DİLSEL BAĞLAR SORUNU

Özet

Bu makalede, Eski Türk yazılı abidelerin dilinin modern Türk dillerine münasebeti sorunları incelenmektedir. Makale yazarı, dünya Türk edebiyatında bulunan yazılı abidelerin dilsel özelliklerini kısaca tasvir etmektedir. Bu makalede, bazı araştırmacıların konkre Türk dilleri ve Eski Türk yazılı abideleri arasında doğrudan doğruya bağ kurmasına rağmen, araştırmacıların çoğu tüm modern Türk dilleri ve onlar arasında bazı uygunlukların olması fikrindedirler, tezi ön plandadır.

Anahtar Sözcükler

Türk yazılı abideleri, Eski Türk dili, yazılı abidelerin dili, abideleri karşılaştırmalı inceleme.

Abstract

The article touches upon the problem of the ancient Turkic monuments' languages and the modern Turkic languages relations. The author makes a brief description of the linguistic features of the monuments in the world's Turkologic literature. The following point of view is hold in the research: despite the attempts of some scholars to set a direct connection between the proper Turkic languages with the ancient Turkic linguistic monuments, most scientists concur that all modern Turkic languages have correspondences with them to some extent.

Key Words

Turkic written monuments, ancient Turkic, language of the written monuments, comparative study of the monuments.

Резюме

В статье поднимается проблема отношения языка памятников древнетюркской письменности к современным тюркским языкам. Автор подвергает краткому описанию языковые особенности письменных памятников в мировой тюркологической литературе. Во главу угла ставится тезис о том, что, несмотря на попытки некоторых исследователей ставить в прямую связь конкретные тюркские языки с древнетюркскими письменными памятниками, большинство исследователей сходится во мнении, что все современные тюркские языки в определенной степени имеют некоторые соответствия с ними.

Ключевые слова

тюркские письменные памятники, древнетюркский язык, язык письменных памятников, сравнительное изучение памятников

Изучению тюркских письменных памятников уделялось и уделяется серьезное внимание исследователями-тюркологами различных тюркских языков. Изучение языка памятников в сравнении с современными тюркскими языками помогает определить место и роль письменных памятников среди тюркских языков.

В научной литературе были высказаны различные мнения о месте языка древнетюркских памятников в системе современных тюркских языков. В. В. Радлов писал, что огузские языки сохранили больше всех других характер языка памятников (Радлов, 1897: 45). С. Е. Малов в классификации тюркских языков относит язык памятников к древним и называет “огузским” (Малов, 1951: 7). В. Г. Кондратьев находит тесную генетическую связь языка надписей с огузскими и якутским языками (Кондратьев, 1967: 6). По классификации Н. А. Баскакова, язык орхоно-енисейских памятников относится к уйгуро-тукуюской подгруппе уйгуро-огузской группы восточно-хунской ветви тюркских языков.

И. А. Батманов писал, что “тувинский, киргизский, хакасский, шорский и алтайский языки более, чем другие, были генетически связаны между собой и с языком енисейских памятников. Лингвистические особенности рунических эпитафий А. М. Щербак сближает с огузскими и карлукско-уйгурскими языками (Щербак, 1970: 130-132).

В то же время эти ученые признают, что элементы языка памятников сохранились в большинстве современных тюркских языков. С. Е. Малов подчеркивал, что язык орхоно-енисейских памятников “трудно представить пока по нашему недостаточному знанию как предка того или иного определенного современного нам тюркского языка”. По его мнению, “...все эти памятники или языки всех этих памятников служат общим фоном, общей канвой для древней истории большинства тюркских языков”. По Н. А. Баскакову, “...все эти памятники принадлежат различным тюркским народам, весьма близким друг другу по языку”. И. А. Батманов признает, что во всех тюркских языках “...в той или иной степени сохраняется немало соответствий языку памятников древнетюркской рунической письменности” (Батманов, 1962: 3). Он писал: “Наивно было бы думать, что какой-нибудь современный (например, киргизский) язык является продуктом прямого, равномерного и непосредственного развития языка памятников” (Батманов, 1962: 6).

Необходимо принять во внимание и тот факт, что в V–VIII вв. н. э. основные племена, составившие современные тюркские народы, жили на территории Монголии, Алтая и Казахстана. Это был один из сложнейших в истории тюркских народов периодов после эпохи великого переселения народов и до монгольского нашествия, когда в результате войн и других причин тюркские кочевые племена были в постоянном передвижении, перемещении, смещении: одни племена исчезали, и часть их входила в состав других народностей, другие племена уходили с мест своего обитания и растворялись в составе других племен в результате ассимиляции или растворяли эти племена. Таким образом, “появлялись и исчезали целые племена, роды”, и их язык или диалекты с небольшой разницей были в постоянном взаимодействии, взаимопоглощении, а также взаимообогащении.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что древнетюркские письменные памятники и их язык являются общим достоянием большинства современных тюркских народов и языков. Они (т. е. современные тюркские языки и язык древнетюркских памятников)

связаны опосредствованно, через сложные этапы развития тюркского языкового коллектива (Кайдаров, 1969: 47).

Такого же мнения придерживались и придерживаются многие тюркологи, ведущие исследования в общетюркологическом плане. Так, например, на бесплодность и неоправданность попыток “привязать” те или иные письменные памятники и их некоторые факты к какому-нибудь одному современному тюркскому языку в свое время указывал Э. В. Севортян (Севортян, 1961: 141).

Т. М. Гарипов рассматривает древнетюркские источники на руническом, уйгурском, согдийском, манихейском и брахми шрифтах как общетюркское языковое наследие, которое “отнюдь не сводимо лишь к одной группировке живых языков” (Гарипов, 1979: 17).

Язык рунических памятников Э. Р. Тенишев рассматривает как “запись древнетюркского койне смешанной (огузско-уйгурской) природы, первый литературный вариант в истории тюркских языков”, что его невозможно определить, руководствуясь чисто генетическим принципом, как “древне-огузский”, “предок” современных южнотюркских языков (Тенишев, 1976: 170). По этому поводу К. М. Мусаев пишет: “Круг смешанных языков нельзя ограничивать только огузскими и уйгурскими, здесь участвовали элементы и других тюркских племен” (Мусаев, 1984: 68). Именно этим можно объяснить возможность сблизить почти все современные тюркские языки по определенным параметрам с памятниками рунического письма. Различие лишь в том, что некоторые языки до наших дней сохранили ряд особенностей, свойственных языкам древнетюркских памятников (это в основном окраинные языки), а другие в силу специфики их развития не сохранили тех особенностей, хотя в реликтовом состоянии некоторые элементы все же имеются. Например: 1) в говорах башкирского языка употребляются диссимилятивные сочетания *-лт-*, *-нт-*, *-пт-*, *-нк-*, *-нq-*, характерные древнетюркскому, а также некоторым современным тюркским языкам (например: *biltämä* ~ лит. *bildämä* ‘филе’, *mentär* ~ лит. *mendär* ‘подушка’, *küptänke* ~ лит. *küptäge* ‘давнее’, *qaraqçı* ~ лит. *qaraqçı* ‘темный’); 2) словообразовательные аффиксы *-aq/-äk/-ök*, *-xat* в говорах башкирского языка представляют собой редкие реликтовые явления, посредством которых образованы существительные *sataq* ~ лит. *sata* ‘развилка, развилина (вилы, дерево, реки)’, *yataq* ‘дневное лежбище животных’ ~ лит. *yataq* ‘ночлеж’, *yätem-äk* ~ лит. *yätem* ‘сирота’, *kötök* ~ лит. *kötög* ‘ожидание, надежда’, прилагательные *talanxat* ~ лит. *yalanxas* ‘голый’, *bol-xat* ~ лит. *bolaxan* ‘беспорядочный’ и т. д.

К. Аширалиев в работе “Древние тюркские элементы в современных тюркских языках” (Аширалиев, 1969) приходит к выводу, что в языках пяти классификационных групп (туркменском; узбекском, уйгурском; тувинском, хакасском; киргизском, алтайском; казахском и каракалпакском) отмечается сходство с языком рунических памятников в слоговой структуре слова, в функционировании основных грамматических категорий, а также сохранение большей части древней лексики.

Исследованию отношения современных тюркских языков к наиболее крупным памятникам XI в. “Дивану лугат ат-тюрк” М. Кашгари и “Кутадгу билиг” Ю. Баласагунлы посвящены многие работы, в которых отмечаются различные подходы исследования. Одни авторы стремятся прямо возвести какой-либо современный тюркский язык к названным памятникам или одному

из них как непосредственный продолжатель их языка. Другие ограничиваются лишь констатацией имеющихся лексических параллелей, третьи-указывают на возможность установить более древнее состояние слов или корней того или иного современного тюркского языка.

Исследуя язык отдельного источника “Памятника в честь Тоньюкука” в его отношении к другим тюркским языкам, Г. Айдаров устанавливает, что большая часть слов его основного словарного фонда является общей для всех современных тюркских языков (Айдаров, 1959: 10-12.). Например: термины родства (*oƷul* ‘сын’, *qız* ‘девушка’); слова, относящиеся к анатомии человека (*boƷuz* ‘горло’, *til* ‘язык’); названия животных (*arslan* ‘лев’, *böri* ‘волк’); слова, относящиеся к духовной жизни, временным понятиям, мертвой и живой природе и т. д. ” (Айдаров, 1959: 23).

Г. Айдаровым были сопоставлены вся лексика текста памятника в честь Тоньюкука с соответствующими словами современного туркменского языка (Айдаров, 1961: 73-76). Сравнение показало, что большая часть слов основного словарного фонда памятника является характерной и для туркменского языка.

Словарь Махмуда Кашгари содержит ценный материал для разностороннего, глубокого изучения и для прослеживания закономерностей развития лексики и семантики тюркских языков различных ареалов. Как отмечает Т. М. Гарипов, из слов, снабженных Махмудом Кашгари языковыми и диалектными пометами, “...лишь немногие могут быть локализованы исключительно в регионе Урало-Поволжья, как принадлежащие преимущественно башкирам, татарам, ямакам или кыпчакам (чаще всего совместно с огузами, суварями, ягма и другими). Зато почти все эти лексемы имеют точные параллели в современных урало-поволжских языках. Некоторые же из них, будучи некогда утраченными, предстают как вновь обретенные, что особенно ценно с научной точки зрения (Гарипов, 1972: 49). Например, слово *qat* ‘ягода, плод’, приводимое Махмудом Кашгари с пометами ямак, қыпчақ, кай, татар, джумул, в башкирском, казахском и ряде других языков присутствует лишь в составе сложных слов: башк. *qaraxat*, каз. *karayat*, тат. *qarlıgan* - ‘смородина’; МК *töz-* ‘проголодаться’ имеет связь с башк. *tüz-*, тат. *tüz-*, каз. *töz-* ‘терпеть, выносить’ (сравните башкирскую поговорку: *tüzgängä tüş teyer* ‘Терпеливому грудинка достанется’); МК *suvuq* ‘жидкий’ (о хвосте) употребляется в башкирском языке в форме *şıuq*, в татарском *şıyek* - ‘жидкий вообще’, в диалектах этих языков сохранилось более древнее значение этих слов ‘гибкий, упругий’: башк. диал. *şıyık sıbık*, тат. диал. *şıyek çıbık* ‘эластичный прут’.

По данным А. К. Курьшжанова, все слова, указанные Махмудом Кашгари как кыпчакские, “...в фонетическом, грамматическом и лексическом отношениях в конечном счете не отличаются от общетюркских. Многие слова и формы, характерные, по данным Махмуда Кашгари, для других тюркских языков, встречаются и в кыпчакских письменных памятниках, однако не исключено и обратное явление: чисто кыпчакские особенности иногда можно проследить в письменных памятниках других тюркских народов. Исключение составляют некоторые фонетические признаки, ставшие атрибутами современных кыпчакских языков” (Курьшжанов, 1972: 59).

К такому же выводу приходит и Э. Р. Тенишев, отметивший, что сравнение языков огузов и кыпчаков по данным Махмуда Кашгари “обнаруживает большое сходство их фонетики,

морфологии и значительную смешанность, что позволило Махмуду Кашгари в ряде случаев объединить оба языка... даже отрывочные данные позволяют делать вывод как о близости отдельных языков друг другу (кыпчакского и огузского, болгарского и суварского, тохси и ягма), так и об общей смешанности древнетюркских племенных языков” (Тенишев, 1973: 59, 61).

Многие слова, зафиксированные в словаре Махмуда Кашгари, не употребляющиеся в современных тюркских языках, оказываются широкоупотребительными в памятниках тюркских языков. Как отмечал В. И. Асланов, проанализировавший небольшую часть лексических параллелей, встречающихся в словаре Махмуда Кашгари и в письменных памятниках, относимых к азербайджанскому языку, в частности в “Диван”е Кады Бурханетдина (XIV в.) , многие слова, ставшие в современном азербайджанском языке архаизмами, употреблены в письменных памятниках (Асланов, 1972: 62).

М. Ш. Рагимов, сопоставляя лексику словаря Махмуда Кашгари с данными азербайджанского языка и его диалектов, выделил пять групп совпадающих между ними слов, которые отсутствуют в современном азербайджанском литературном языке: 1) слова, совпадающие с зафиксированными в “Диван лугат ат-тюрк” Махмуда Кашгари как по форме, так и по значению; 2) слова, совпадающие по значению, но несколько расходящиеся по фонетическому облику; 3) слова, близкие по значению и форме; 4) слова, исторически являющиеся отглагольными именами; 5) составные слова, первые компоненты которых совпадают или же близки по значению и форме (Рагимов, 1985: 75–82).

По мнению К. М. Мусаева, “при сопоставлении лексики других тюркских языков с лексикой Махмуда Кашгари можно установить подобные же группы соответствий, которые в количественном отношении будут варьировать по разным языкам и диалектам” (Мусаев, 1984: 71).

М. Н. Хыдыров, исследуя отношение современного туркменского языка к языку памятника “Кутадгу билиг” Юсуфа Баласагунлы, считает, что в лексике “Кутадгу билиг” почти все слова, за исключением сравнительно небольшого числа заимствований, являются общими для тюркских языков. Большая часть их встречается и в современных тюркских языках. Однако в употреблении, лексико-семантических особенностях и грамматических формах этих слов в “Кутадгу билиг” и в тюркских языках имеются некоторые различия. Сравнивая отдельные явления и слова туркменского языка с указанным памятником, М. Н. Хыдыров приходит к выводу, что “основные расхождения между “Кутадгу билиг” и современными тюркскими языками заключаются, во-первых, в различиях между устной речью и письменным языком того времени; во-вторых, они связаны с изменениями, возникшими в процессе развития этих языков после XI в.” (Хыдыров, 1970: 40–41).

Н. А. Баскаков считал, что “Кутадгу билиг”, в котором нашла отражение литературная традиция, является классическим образцом литературного языка с уйгурско-карлукской основой, получившего наибольшее развитие при Караханидах. “Варианты единого литературного языка “тюрки” впоследствии соответственно дифференцировались в национальные литературные языки, которые благодаря общей основе и общим литературным традициям остались близкими друг другу” (Баскаков, 1970: 13–17). А. М. Щербак связывает язык “Кутадгу билиг” с языками огузской и карлукско-уйгурской группы (Щербак, 1970: 22). Э. Н. Наджип полагал, что

“Кутадгу билиг” создан на карлукско-уйгурском литературном языке XI в. (Наджип, 1974: 85). По мнению Э. Р. Тенишева, “язык “Кутадгу билиг” смешанный, отличающийся от народно-разговорного языка караханидов, - искусственный литературно-книжный язык средневековья. Истоки этого языка восходят к периоду орхоно-енисейских памятников. Язык поэмы “Кутадгу билиг” представляет собой образец литературного языка высокого стиля, весьма популярного в свое время, однако давно оторвавшегося от народной (караханидской) основы, которая сама бесследно исчезла. Этот памятник принадлежит не одному, а многим тюркоязычным народам Средней Азии и является их общим достоянием, общим культурным богатством... Тюркские литературные языки древнего периода – языки искусственно созданные. Они лишь в незначительной степени опираются на живые языки, поэтому при изучении истории современных литературных и разговорных тюркских языков ими надо пользоваться с большой осторожностью, привлекая в основном как типологический материал” (Тенишев, 1970: 30–31).

Лексика многих памятников тюркских языков периода, непосредственно следующего после “Кутадгу билиг”, словаря Махмуда Кашгари, близка к лексике этих памятников. Как отметил в свое время А. К. Боровков, архаическая лексика среднеазиатского тефсира XII–XIII вв. сближает язык этого памятника с языком “Атебат ал-Хакаиик”, языком памятников XI в. “Кутадгу билиг” и “Диваном” Махмуда Кашгари и с памятниками более раннего периода (Боровков, 1963: 17).

Ряд ученых выявляют древнетюркский пласт конкретного языка, сопоставляя лексику современного литературного языка и его диалектов с данными древнетюркского словаря.

Такое сопоставление дает богатый фактический материал для дальнейших исследований в области исторической лексикологии и диалектологии конкретного тюркского языка, помогает выявлению архаичных элементов, уяснению причин их исчезновения и закономерностей восстановления. Так, Г. Сапарова обнаруживает древние слова (из ДТС), которые употребляются в лексике разных диалектов туркменского языка и отражают его древние диалектные особенности: *kölük* ‘вьючное животное’ (МК I, 392); *ulay* ‘вьючное животное, верховой конь’; *joyurt* ‘кислое молоко’ и т. д.

В работе К. Ф. Кулиевой собранные в исследуемом ареале древнетюркские слова рассматриваются с точки зрения истории языка. В ходе исследования автор на основе древнетюркских письменных памятников сделал попытку реконструкции и доказал древнее происхождение ряда диалектных слов (Кулиева, 1989: 26). Историко-лингвистический анализ древнетюркского лексического пласта в азербайджанских говорах на территории Грузии представлен в исследовании Т. А. Гараева (Гараев, 1981). В работе рассматриваются семантические особенности древних слов, изучается морфологическая структура именных частей речи, некоторые же из них подвергаются этимологическому анализу. В работе А. Ш. Тагирзаде характеризуется фонетический, морфологический, лексический пласт древнетюркского языка в диалектах и говорах азербайджанского языка (Тагирзаде, 1983).

Г. Г. Левин, характеризуя фоно-семантические особенности лексико-семантических параллелей древнетюркского и якутского языков, выявляет следующие подгруппы: 1) основы, совпадающие по форме и значению; 2) основы, совпадающие по форме, но несколько расходящиеся по значению; 3) основы, имеющие закономерные фонетические изменения без семантических сдвигов; 4) основы, имеющие закономерные фонетические и некоторые

семантические отличия; 5) основы, подвергшиеся наиболее сильным фонетическим изменениям (Левин, 1997).

Изучению вопроса отношения языка памятников древнетюркской письменности к татарскому языку посвящены работы В. Х. Хакова (Хаков, 1965), М. З. Закиева (Закиев, 1986), Р. Г. Ахметьянова (Ахметьянов, 1981; 1989), Д. Б. Рамазановой (Рамазанова, 1978), С. И. Исхаковой (Исхакова, 1973: 36-39), Р. К. Рахимовой (Рахимова, 1986: 57–70), А. Х. Нуриевой (Нуриева, 1984), Ф. С. Баязитовой (Баязитова, 1982: 3–8), И. С. Насипова (Насипов, 1994) и др.

Результаты исследований башкирских ученых позволили выявить в современном башкирском языке ряд фонетических, лексических и морфологических элементов, общих с языком древнетюркских памятников, выяснить историческое развитие башкирского языка. Так, например, в работе Дж. Г. Киекбаева (Киекбаев, 1958), посвященной сравнительно-историческому исследованию фонетики, характеризуется происхождение звуков башкирского языка, прослеживаются основные трансформации в системе первичных согласных и гласных. Основные концепции ученого о развитии башкирской лексики изложены в книге “Лексика и фразеология современного башкирского языка” (Киекбаев, 1966). В ней прослеживаются исторические процессы в области лексики, впервые в башкирском языкознании на основании теории общности урало-алтайских языков включены в разряд исконно башкирской лексики слова, общие для башкирского, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Генетическое родство урало-алтайских языков основательно исследуется в монографии Дж. Г. Киекбаева “Основы исторической грамматики урало-алтайских языков” (Киекбаев, 1996). Общность структурных моделей многих грамматических категорий исследуемых языков достигается на основе разработанной автором теории определенности и неопределенности.

Ф. Г. Хисамитдиновой рассматривается употребление сочетаний сонантов и глухих смычных согласных в некоторых говорах башкирского языка на стыке основы и аффиксов, а также двух слов. Например: *сред. г. awıltaş ~ lum. awıltaş* ‘одноаулец’, *караид. г. qorqoltoq* ‘хронический кашель’, *дем. г. eyentek* ‘молоко, выжатое из вымени’, *сред. г. borıŋqo ~ lum. borıŋxo* ‘древний’, *караид. г. küptänke ~ lum. küptänge* ‘давнее’, *сред. г. tarqan ~ lum. tarhan* ‘тархан’ и т. п. Это явление, характерное для отдельного тюркского, а также языка древнетюркских памятников, по мнению ученого, восходит к пратюркскому языку (Хисамитдинова, 1980; 1989).

Опыт сравнительно-исторического исследования исторической морфологии представлен в работах А. М. Азнабаева и В. Ш. Псянчина (Азнабаев, Псянчин, 1983), в которых сопоставляются материалы башкирского языка и его диалектов с родственными языками, а также языковыми данными письменных памятников на основе теории определенности и неопределенности.

Изучению вопроса отношения языка памятников древнетюркской письменности к башкирскому языку посвящена работа М. А. Ахметова “Глагол в языке орхоно-енисейских памятников” (Ахметов, 1978), где автор, во-первых, выявил все корневые глаголы и аффиксы словообразования, спряжения, формообразования глагола, их фонетические варианты, значения и функции в языке памятников; во-вторых, проследил частоту употребления каждого аффикса; в-третьих, определил следы древних говоров в области глагола; в-четвертых, проследил существование глагольных основ и форм (а также их значений и функций) языка памятников в современном башкирском языке и его диалектах. По данным его исследований,

95% глагольной лексики древнетюркских памятников сохранилось в современном башкирском языке. Г. Д. Ибрагимова (Ибрагимова, 2002) изучает отношение башкирского языка к языкам древнетюркских и старотюркских памятников на материале имен числительных.

Формирование и развитие лексики, фонетики, грамматического строя современного башкирского литературного языка исследуется в коллективной монографии “Очерки истории башкирского литературного языка” (Ишбердин и др. 1989; 1993), в котором рассматриваются вопросы становления башкирского литературного языка с древнейших времен до настоящего времени, проводится периодизация его истории, анализируются истоки тюрки Урало-Поволжья и языка башкирских фольклорных произведений.

В монографии К. З. Ахмерова “Из истории башкирской письменности” (Ахмәров, 1972) история развития башкирского алфавита и орфографии рассматривается в связи с историей народа. В работе дается характеристика тюркской письменности – рунического, уйгурского, арабского письма.

В выявлении и изучении тюркоязычных памятников Башкортостана достигнуты значительные успехи. Так, в монографии Р. Х. Халиковой “Язык башкирских шежере и актов документов XVIII–XIX вв. ” (Халикова, 1990) излагается язык письменных памятников башкир XVIII–XIX вв., изучается фонетика, лексика, грамматика языка шежере и актов документов. В книге И. Г. Галаятдинова “Тарих нама-и булгар” Таджетдина Ялсыгулова представлен грамматический очерк и полный словарь тюркской части лексики языка памятника Таджетдина Ялсыгулова (Галаятдинов, 1990). Проблеме исторического развития лексики башкирского языка по данным древнетюркских письменных памятников посвящены работы З. А. Хабибуллиной (Хабибуллина, 2004; 2008). Изучение языка письменных памятников позволило языковедам пересмотреть ранее существовавшую точку зрения, согласно которой башкирский язык был отнесен к младописьменным. Результаты исследований позволили установить, что башкиры до начала XX в. пользовались локальным вариантом письменного языка тюрки Урало-Поволжья.

Таким образом, вопрос об отношении языка современных тюркских народов и языка древних памятников вырос в самостоятельную актуальную проблему исторической тюркологии, разработка ее постепенно приобретает систематический характер.

Кайнаklar

Литература

Азнабаев, А. М., Псянчин, В. Ш. (1983). *Историческая морфология башкирского языка* (Опыт сравнительно-исторического исследования). Уфа.

Айдаров, Г. (1959). О языке памятника Тоньюкук и его отношении к некоторым современным тюркским языкам. Автореф. дис... к. филол. н. Алма-Ата.

Айдаров, Г. (1961). Некоторые сходные слова памятника Тоньюкук и современного туркменского языка. *Изв. АН СССР. Сер. обществ. наук.* №4. С. 73–76.

Асланов, В. И. (1972). «Дивану лугат-ит тюрк» М. Кашгари и азербайджанский язык. *Советская тюркология.* №1. С. 61–74.

- Ахмеров, К. З. (1972). *Из истории башкирской письменности*. Уфа: Башкирское книжное издательство.
- Ахметов, М. А. (1978). *Глагол в языке орхоно-енисейских памятников*. Уфа: БГУ.
- Ахметьянов, Р. Г. (1981). *Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья*. М.: Наука.
- Ахметьянов, Р. Г. (1989). *Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья*. М.: Наука.
- Аширалиев, К. (1969). Древние тюркские элементы в современных тюркских языках (на материале орхоно-енисейских памятников). Автореф. дис... к. филол. н. Фрунзе.
- Баскаков, Н. А. (1960). *Тюркские языки*. М.: Наука.
- Баскаков, Н. А. (1962). Введение в изучение тюркских языков. Изд. 1-е. М.: Высшая школа.
- Баскаков, Н. А. (1970). Роль уйгуро-карлукского литературного языка караханидского государства в развитии литературных тюркских языков средневековья. *Советская тюркология*. №4. С. 13–17.
- Батманов, И. А., Арагачи, З. Б., Бабушкин, Г. Ф. (1962). *Современная и древняя енисеика*. Фрунзе, С. 3.
- Баязитова, Ф. С. (1982). *Древний пласт лексики мензелинского говора. Исследования по исторической диалектологии татарского языка*. Казань.
- Боровков, А. К. (1963). *Лексика Среднеазатского тефсира XII–XIII вв.* М.
- Галаятудинов, И. Г. (1990). «Тарих нама-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова (Лингвистический анализ списков памятника. Грамматический очерк, лексика, сводный текст и перевод). Уфа.
- Гараев, Т. Г. (1981). *Историко-лингвистический анализ древнетюркского лексического пласта в азербайджанских говорах на территории Грузинской ССР*. Автореф. дис... к. филол. н. Баку.
- Гарипов, Т. М. (1979). Кыпчакские языки Урало-Поволжья. *Опыт синхронической и диахронической характеристики*. М.: Наука.
- Гарипов, Т. М. (1972). Махмуд Кашгари и кыпчакские языки Урало-Поволжья. *Советская тюркология*. №1. С. 47–51.
- Закиев, М. З. (1986). *Проблемы языка о происхождении волжских татар*. Казань. 304 с.
- Ибрагимова, Г. Д. (2002). Отношение башкирского языка к древнетюркским и старотюркским памятникам письменности (На материале имен числительных). Автореф. дис... к. филол. н. Уфа. 26 с.
- Исхакова, С. И. (1973). Древнетюркские элементы в народно-разговорном языке западносибирских татар. *Советская тюркология*. №6. С. 36–39.
- Ишбердин, Э. Ф., Халикова, Р. Х., Галаятудинов, И. Г. и др. (1989). *Очерки истории башкирского литературного языка*. М.: Наука.
- Ишбирзин, Э.Ф., Халикова Р.Х., Гәләүәтдинов И.Ф. (1993). *Башкорт әзәби теленең тарихы*. Өфө: Китап.
- Кайдаров, А. Т. (1969). К проблеме языковой преемственности древних и современных уйгуров. *Известия АН КазССР, сер. обществ. №1*. С. 45–50.

- Киекбаев, Дж. Г. (1996). *Основы исторической грамматики урало-алтайских языков*. Уфа: Китап. 368 с.
- Киекбаев, Ж. Ф. (1966). *Хәзерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы*. Өфө.
- Киекбаев, Ж. Ф. (1958). *Башкорт теленең фонетикаһы*. Өфө.
- Кондратьев, В. Г. (1967). Об отношении языка памятников тюркской рунической письменности к другим тюркским языкам. Филология и история тюркских народов. *Тюркологическая конференция в Ленинграде, 7–10 июня 1967 г.*: Тез. докл. . С. 3–9.
- Кулиева, К. Ф. (1989). Древнетюркский пласт кубинского и дербентского диалектов азербайджанского языка. Автореф. дис... к. филол. н. Баку. 26 с.
- Курьшжанов, А. К. (1972). Махмуд Кашгари о кыпчакском языке. *Советская тюркология*. №1. С. 52–60.
- Левин, Г. Г. (1997). Лексико-семантические параллели орхоно-тюркского и якутского языков (в сравнении с алтайским, хакасским, тувинским языками). Автореф. дис... к. филол. н. Якутск.
- Малов, С. Е. (1951). *Памятники древнетюркской письменности*. М.–Л.
- Мусаев, К. М. (1984). Лексикология тюркских языков. М.: Наука.
- Наджип, Э. Н. (1974). Сравнительный анализ текстов наманганского и каирского списков «Кутадгу билиг». *Советская тюркология*. №6. С. 85.
- Насипов, И. С. (1994). Древнетюркский пласт диалектной лексики мензелинского говора татарского языка. Автореф. дис... к. филол. н. Казань.
- Нуриева, А. Х. (1984). Семантические изменения древнетюркских слов в татарском языке. *Татарский язык: Лексика и грамматика. Семантика*. Казань.
- Халикова, Р. Х. (1990). Язык башкирских шежере и актов документов XVIII–XIX вв. М.
- Рагимов, М. Ш. (1972). «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари и древнетюркские элементы в диалектах и говорах азербайджанского языка. *Советская тюркология*. №1. С. 75–82.
- Рамазанова, Д. Б. (1978). Пермь татарлары сөйләше лексикасының Көнчыгыш төрки телләр белән уртақ моментлары. *Источниковедение и история тюркских языков*. Казань.
- Рахимова, Р. К. (1986). Из древнетюркского пласта кожевенной лексики татарского языка. *Исследования по лексике и грамматике татарского языка*. Казань, С. 57–70.
- Сапарова, Г. (1976). Некоторые заметки о взаимоотношениях туркменских диалектов и древнетюркской лексики. *Лингвистическая география, диалектология и история языка*. Ереван. С. 387–391.
- Севортян, Э. В. (1961). Современное состояние и некоторые вопросы исторического изучения тюркских языков в СССР. *Вопросы методов изучения истории тюркских языков*. Ашхабад, С. 141.
- Тагирзаде, А. Ш. (1983). Древнетюркский лексико-грамматический пласт в диалектах и говорах азербайджанского языка. Автореф. дис... к. филол. н. Баку.
- Тенишев, Э. Р. (1970). «Кутадгу билиг» и «Алтун ярук». *Советская тюркология*. №4. С. 30–31.
- Тенишев, Э. Р. (1976). О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников. *Turcologica*. К 70-летию акад. А.Н. Кононова. Л.

Тенишев, Э. Р. (1973). Тюркская историческая диалектология и Махмуд Кашгарский. *Советская тюркология*. №6. С. 54–61.

Хаков, Х. В. (1965). *Татар әдәби теле тарихы буенча очерктар*. Казан. 120 с.

Хабибуллина, З. А. (2004). Лексика современного башкирского языка в сравнении с языком древнетюркских письменных памятников. Дисс... к. филол. н. Уфа. 194 с.

Хабибуллина З.А. (2008). *Древнетюркские названия животного мира современного башкирского языка*. Уфа: Изд-во БГПУ. 152 с.

Халикова, Р. Х. (1990). *Язык башкирских шежере и актовых документов XVIII–XIX вв.* М.: Наука, 200 с.

Хисамитдинова, Ф. Г. (1980). Консонантные сочетания башкирского языка типа “сонорный + глухой смычный” в историческом освещении. Автореф. дис... к. филол. н. Уфа.

Хисамитдинова, Ф. Г. (1989). История башкирского языка. *Материалы по исторической фонетике: учеб. пособие*. Уфа.

Хыдыров, М. Н. (1970). Отношение туркменского языка к языку «Кутадгу билиг». *Советская тюркология*. №4. С. 40–41.

Щербак, А. М. (1970). Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. *Тюркологический сборник*. М. С. 111–134.

Щербак, А. М. (1970). О фонетических особенностях “Кутадгу билиг” и древнеуйгурском консонантизме. *Советская тюркология*. №4. С. 22–28.

Radloff, W. (1897). *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*. Neue Folge.

